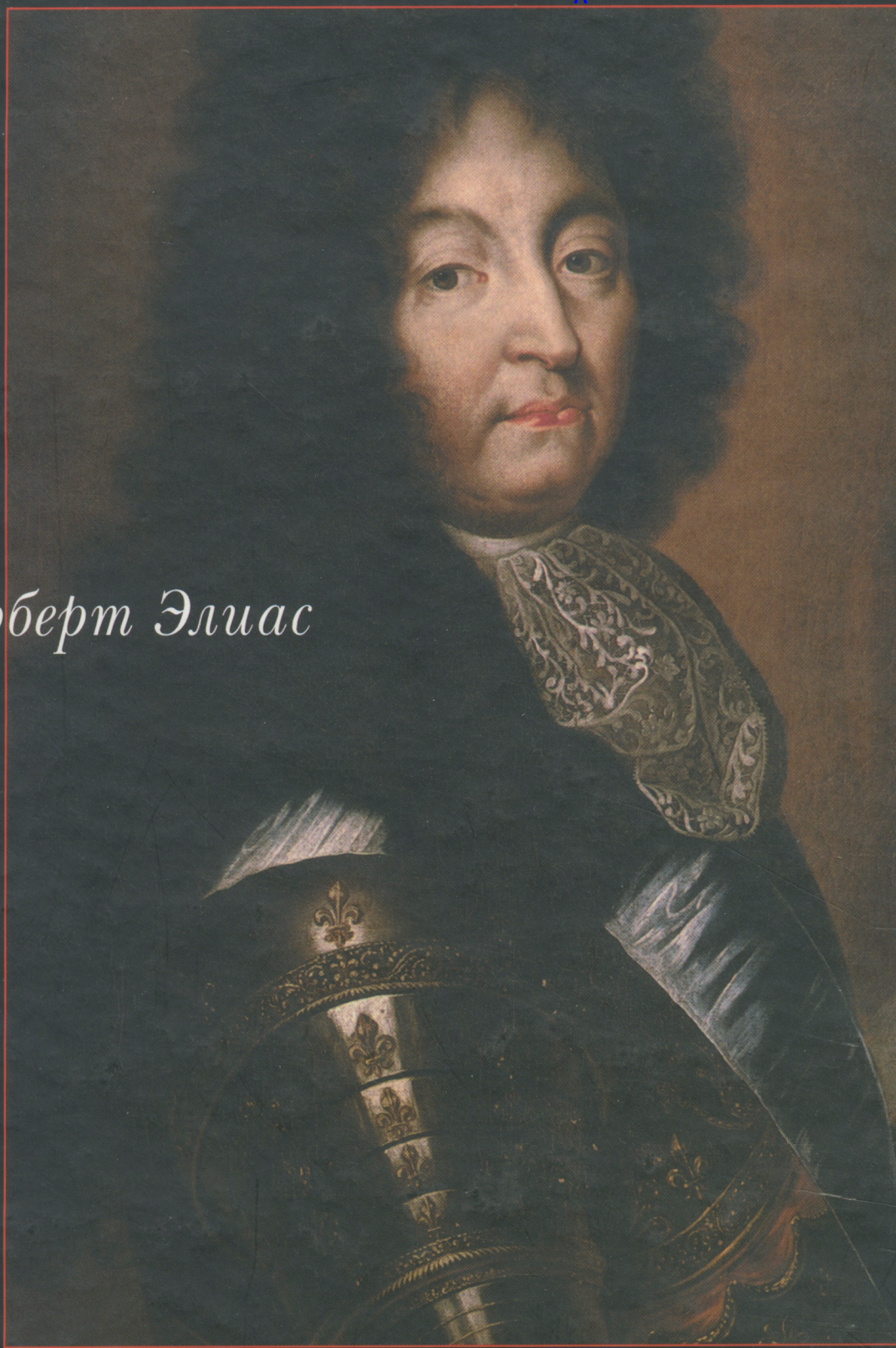


ПРИДВОРНОЕ ОБЩЕСТВО

Норберт Элиас



Норберт
Элиас

Придворное общество

Исследования по социологии
короля и придворной аристократии,
с Введением:
Социология и история

Перевод с немецкого
А. П. Кухтенкова, К. А. Левинсона,
А. М. Перлова, Е. А. Прудниковой,
А. К. Судакова

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
Москва
2002



Издание выпущено при поддержке
Института «Открытое общество» (Фонд Сороса)
в рамках мегапроекта «Пушкинская библиотека»

This edition is published with the support of the Open Society
Institute within the framework of «Pushkin Library» megaproject

Редакционный совет серии «Университетская библиотека»:

Н. С. Автономова, Т. А. Алексеева, М. Л. Андреев, В. И. Бахмин,
М. А. Веденяпина, Е. Ю. Гениева, Ю. А. Кимелев, А. Я. Ливергант,
Б. Г. Капустин, Ф. Пинтер, А. В. Полетаев, И. М. Савельева,
Л. П. Репина, А. М. Руткевич, А. Ф. Филиппов

«University Library» Editorial Council:

Natalia Avtonomova, Tatiana Alekseeva, Mikhail Andreev, Vyacheslav
Bakhmin, Maria Vedeniapina, Ekaterina Genieva, Yuri Kimelev,
Alexander Livergant, Boris Kapustin, Frances Pinter, Andrei Poletayev,
Irina Savelieva, Lorina Repina, Alexei Rutkevich, Alexander Filippov

Элиас Норберт

Э 46

Придворное общество: Исследования по социологии короля
и придворной аристократии, с Введением: Социология и исто-
рия / Пер. с нем. А. П. Кухтенкова, К. А. Левинсона,
А. М. Перлова, Е. А. Прудниковой, А. К. Судакова. — М.:
Языки славянской культуры, 2002. — 368 с. — (Studia
historica).

ISBN 5-94457-034-2

В книге видного немецкого социолога и историка середины XX века Норберта Элиаса на примере французского королевского двора XVII–XVIII вв. исследуется такой общественный институт, как «придворное общество» – совокупность короля, членов его семьи, приближенных и слуг, которые все вместе составляют единый механизм, функционирующий по строгим правилам. Автор показывает, как размеры и планировка жилища, темы и тон разговоров, распорядок дня и размеры расходов – эти и многие другие стороны жизни людей двора заданы, в отличие, например, от буржуазных слоев, не доходами, не родом занятий и не личными пристрастиями, а именно положением относительно королевской особы и стремлением сохранить и улучшить это положение.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историко-социологическими сюжетами.

На переплете: иллюстрации из книги А. Дюма «Людовик XIV и его век»

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

Право на продажу этой книги за пределами России кроме издательства «Языки славянской культуры» имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-94457-034-2



9 785944 570345 >

© А. П. Кухтенков, К. А. Левинсон,
А. М. Перлов, Е. А. Прудникова,
А. К. Судаков. Перевод на рус. яз., 2002

Содержание

<i>Предисловие переводчиков</i>	6
I. Введение: Социология и история	10
II. Предварительные замечания к постановке проблемы	50
III. Структуры жилища как показатель общественных структур	56
IV. Об особенностях придворно-аристократической сети социальных связей	86
V. Этикет и церемониал: поведение и умонастроение людей как проявления потестарных отношений в их обществе	100
VI. Скованность короля этикетом и возможностями обретения престижа	146
VII. Становление и эволюция придворного общества Франции как следствия смещения центров власти в обществе в целом	182
VIII. К социальному происхождению аристократической романтики в процессе перемещения знати к королевскому двору	264
IX. К социогенезу революции	328
<i>Приложение 1.</i> <i>О представлении, будто возможно государство без структурных конфликтов</i>	338
<i>Приложение 2.</i> <i>О позиции интенданта в большом придворно-аристократическом домохозяйстве: опыт уточнения хозяйственного этоса придворной аристократии</i>	346
<i>Именной указатель</i>	358
<i>Предметный указатель</i>	360

Предисловие переводчиков

Перевод книги Н. Элиаса «Придворное общество» представлял немалые трудности для коллектива переводчиков. Трудности эти связаны были как со стилистическими, так и с терминологическими ее особенностями.

Что касается авторского стиля Элиаса, то для него, как и вообще для немецкой научной прозы его времени, характерны сверхдлинные (по русским меркам) сложные предложения с обилием распространенных определений, придаточных и т. п. Эта синтаксическая и фразеологическая сложность знакома русским читателям научной литературы, но не приветствуется ими, поэтому при переводе многие наиболее трудные для восприятия фразы были разбиты на два или даже несколько отдельных предложений.

Другая черта, свойственная автору, – частое использование в тексте книги слов и выражений, которые употребительны в устном языке, где они имеют уже совершенно стертое значение и выполняют функцию «заполнителей пауз» в речи или являются просто «паразитами»: also, gewissermaßen, ein(e) ganz bestimmte(r) и др. Поскольку в письменном языке они употребляются гораздо реже и в основном в своих «словарных» значениях, у переводчика в первый момент складывается впечатление, что они нагружены смыслом и вставлены не случайно. Дальнейшее чтение показывает, однако, что это не так: в подавляющем большинстве случаев данные слова совершенно очевидно употребляются автором не ради целенаправленного уточнения высказывания, а по привычке речи. Поэтому там, где наличие или отсутствие всех этих «значит», «как бы» и «определенный» никак не влияло на смысл и понятность фразы, они опускались при переводе ради разгрузки и без того длинных и сложных для чтения предложений.

Некоторые метафоры, встречающиеся – однократно или постоянно – в немецком тексте книги Элиаса, представляются довольно сомнительными: «вершина поля», «баланс напряжений», «структура баланса», «многополюсный механизм» – список примеров можно было бы продолжить. Во многих случаях (разумеется, только когда это не наносило ущерба смыслу) переводчики постарались подыскать менее парадоксальные выражения – например «вершина пирамиды», «баланс сил». Но все равно читатель обнаружит в тексте немало физических, геометрических и прочих метафор, не согласующихся ни с привычными научными понятиями, ни с обыденными представлениями.

И наконец, еще одна черта стиля Элиаса, которая наверняка бросится в глаза читателю, – это многочисленные повторы. Повторы мыслей в разных главах можно оправдать стремлением закрепить сказанное или связать одну тему с другой. Но в немецком тексте книги являются скорее правилом, нежели исключением, случаи, когда одно и то же слово или словосочетание используется по несколько раз в предложении или абзаце. Это противоречит правилам хорошего литературного стиля в русском языке, поэтому при переводе по возможности использовались синонимы и в некоторых местах – там, где это не наносило ущерба содержанию, – конструкции были переформулированы так, чтобы избежать повторов. Однако полностью устранить их было невозможно.

С последней стилистической особенностью языка Элиаса соприкасаются и терминологические сложности, вставшие перед переводчиками. Замена повторяющегося слова различными синонимами не представляет большой проблемы, когда значение его от этого заведомо не изменится. Подобрать же синоним для термина, т. е. слова с четко определенным и более или менее узким значением, часто бывает невозможно. А в работе Элиаса положение дополнительно усугубляется терминологической непроясненностью: с одной стороны, автор регулярно использует слова, которые в произведениях других немецких историков, социологов и философов имеют более или менее устойчивые значения и используются в научной литературе как научные понятия именно с этими значениями: так, например, слова «Macht», «Herrschaft», «Zwang», «Gruppe» большинство читателей современной немецкой социологической и исторической литературы привычно понимают том в смысле, который они имеют у Макса Вебера. Элиас, однако, никак не оговаривает, в том же ли значении он их употребляет или в ином, своем (его очень сложное и дифференцированное отношение к понятийному инструментарию Вебера допускает различные предположения на этот счет). О значении этих слов приходилось всякий раз догадываться, исходя из общих соображений и из контекста. В такой ситуации одни из переводчиков предпочитали ориентироваться на утвердившиеся в русской научной литературе переводы этих слов (соответственно «власть», «господство», «принуждение», «группа»), другие – на собственное понимание их семантики (так, применительно к приведенным примерам возможными считались варианты соответственно «сила», «власть», «необходимость», «слой»).

С другой стороны, Элиас вводит – без всякого определения и обычно без комментариев – не встречающиеся у других известных авторов выражения, которые используются затем то на протяжении всей книги, то лишь в одной-двух главах. Их терминологический статус неясен, что опять же привело к некоторому разному в переводе: одни из переводчиков рассматривали их в качестве устойчивых понятий и последовательно переводили одними и теми же, придуманными в силу собственного разума, эквивалентами, что приводило к появлению не всегда внятных для русского читателя неологизмов. Другие же рассматривали их как «обычные» слова с более или менее широким, интуитивно понимаемым значением, исходя из которого переводили их свободно, сообразуясь с общим смыслом фразы.

Наиболее ярким примером такой терминологической непроясненности служит слово «Figuration». В немецком языке оно практически не используется. Элиас вводит его на первой же странице книги, без всякого определения или комментария, и толь-

ко в п. 11 Введения объясняет, с какой целью он использует именно это необычное слово, причем здесь он называет его «понятием» (Begriff). Нечто хотя бы отдаленно похожее на определение понятия «Figuration» появляется только в конце VI главы. В книге этому понятию принадлежит важнейшая концептуальная роль, поэтому при переводе особенно остро встала проблема, с одной стороны, обеспечения ясности, с другой – исключения неаутентичных интерпретаций, которые в условиях неопределенности термина могли произойти при поиске адекватной замены ему в русском языке. По своему содержанию слово «Figuration» у Элиаса в одних контекстах близко к понятиям «конфигурация», «структура», «устройство», в других – к понятиям «социальный институт» и «социальная система», в третьих – обозначает не столько структурный аспект отношений между людьми, сколько сам факт их принадлежности к некоторой общественной структуре. Поскольку от использования слова «система» в этом значении Элиас отказывается (см. п. 11, а также конец п. 9 Введения), а слово «институт» (Institut, Einrichtung) употребляет иначе, то были основания сохранить в русском переводе эту терминологическую новацию автора. Поэтому в большинстве глав встречается русский неологизм «фигурация». С другой стороны, часть переводчиков предпочли подобрать для этого слова более понятные и знакомые русскому читателю замены, и в результате в тексте встречаются такие переводы слова «Figuration», как «конфигурация», «общественное образование», «социальная структура», «социальная группа / группировка». Насколько можно судить по контексту, они не искажают авторской мысли.

Схожие проблемы доставило слово «Formation»: как правило, переводчики предпочитали перевод-кальку «формация», но в некоторых случаях желание уклониться от неизбежных для русского читателя марксистских коннотаций вынуждало в зависимости от контекста передавать «Formation» как «социальная группа» или «социальная структура», что более близко к смыслу Элиаса.

Слово «Zusammenhang» в силу своей терминологической непроясненности переводилось по-разному: оно имеет в одних случаях явно значение «взаимосвязь, взаимосвязанность», в других – «контекст», в третьих – «процесс», в четвертых – «группа, коллектив». Найти одно-единственное русское слово, которое объединяло бы в себе все эти значения, не представлялось возможным, поэтому подбирались разные слова с тем, чтобы обеспечить понимание фразы.

Специального комментария заслуживают понятия, связанные с королевским двором и несущие поэтому в книге о «придворном обществе» особую смысловую нагрузку. Так, в соответствии с замыслом своей работы, Элиас пользуется словами «Hof», «höfisch» или другими, однокоренными им, в несколько более широком и в то же время жестком значении, чем это предполагается за словами «двор» или «придворные» в быденном русском языке. «Придворное» общество обозначает не только определенную группу людей или ее качества, но и определенную стадию в развитии социума вообще. Поэтому в тексте встречаются такие непривычные словосочетания, как, например, «допридворное общество» (имея в виду как дворянские, так и недворянские социальные группировки, существовавшие до того, как французская знать покинула свои поместья и обосновалась в массе своей при дворе) или же «люди двора» (отличающиеся от «придворных» тем, что включают в себя людей необязательно только дворянского происхождения). Немало хлопот доставил переводчикам авторский неологизм

«Verhofung» – слово, единого адекватного перевода на русский не имеющее. В зависимости от ситуации оно переводилось как «перемещение ко двору», «укоренение при дворе», «превращение дворян в придворных» и т. п.

Некоторые из сложносоставных слов и словосочетаний, постоянно встречающихся в книге Элиаса, переводились везде одинаково (или с минимальными вариациями), но были при переводе «усечены». Так, слово «berufsbürgerlich», используемое наряду с просто «bürgerlich», а местами и гораздо чаще последнего, переводчикам представлялось невозможным перевести на русский словосочетанием «профессионально-буржуазный», ибо оно двусмысленно, поэтому оно везде переведено как «буржуазный». Существительное «Berufsbürgertum» во избежание той же двусмысленности переведено не «профессиональная буржуазия», а либо просто «буржуазия», либо – там, где важно отличие этого слоя от не имеющей профессии и не зарабатывающей себе на жизнь придворной знати, – «буржуазия, занятая профессиональной деятельностью / профессиональным трудом». В тех случаях, где важно отличие между буржуа по сословной принадлежности и буржуа по образу жизни, оно передается с помощью описательных конструкций.

Сложносоставные слова «Staatsgesellschaft» и «Gesellschaftsverband» переводились по-разному в зависимости от контекста – первое чаще всего «общество», иногда «государство», второе – «общество» или «сообщество». В отличие от того, что можно было бы предположить при взгляде на эти слова вне контекста, значение их, по мнению переводчиков, не уточняется за счет двух корней, и переводы «государственное общество» или «общество-государство» и «общественный союз» или «общественное объединение» несколько не облегчили бы понимание авторской мысли.

В немецком тексте приводятся многочисленные цитаты из «Энциклопедии» Дидро, воспоминаний Лабрюйера, записок Сен-Симона и других французских источников на языке оригинала. В настоящем издании все они переведены на русский язык или даны в переводах по существующим русским изданиям, если те вполне соответствовали целям цитирования, т. е. содержали именно те слова и формулировки, на которые обращал внимание читателя Элиас. Французские тексты этих пассажей приведены в примечаниях или (когда это отдельные слова или короткие фразы) – в тексте, в скобках после перевода. При этом сохранена орфография Элиаса: сверка цитируемых отрывков с французскими оригиналами была невозможна по соображениям времени, тем более что многие ссылки неполны. По этой же причине все ссылки в книге приводятся в том виде, как они даны в оригинальном издании.

В целом и в частностях перевод представляет собой компромисс между требованием без искажений передать сложные авторские высказывания и стремлением сделать их понятными и удобоваримыми для русской читательской аудитории. Переводчики смеют надеяться, что первое они в меру своих знаний и способностей обеспечили. Насколько удалось второе – судить читателям.

Москва, 2001 г.

I. Введение: Социология и история

1. Двор правителя в государствах эпохи «старого порядка» (*ancien régime*) и то своеобычное социальное образование, которое возникало при каждом таком дворе – придворное общество, – представляют собой богатое поприще для социологических исследований. В абсолютных монархиях, где роль сословно-представительных учреждений в управлении была сведена к минимуму, двор монарха соединял в себе, как и на более ранних этапах развития государства, когда централизация еще не достигла такой степени, функцию домохозяйства всей августейшей семьи с функцией центрального органа государственной администрации, с функцией правительства. Личные и профессиональные задачи и отношения высших лиц государства еще не были так строго и недвусмысленно разделены и специализированы, как позднее в индустриальных национальных государствах. В последних органы общественного контроля – парламенты, пресса, суды, конкурирующие в публичной политике партии – во все большей степени вынуждают произвести относительно строгое разделение личных и служебных дел, и это касается даже самых могущественных персон в государстве. В династических же монархиях с их придворными элитами обычным делом было более или менее ярко проявленное единство дел личных и служебных или профессиональных, а мысль о том, что их можно или нужно разделять, возникала лишь эпизодически и в зачаточной форме. Такое разделение не диктовалось общепринятым служебным или профессиональным этосом, а возникало в лучшем случае из чувства личной обязанности более могущественному человеку либо из страха перед ним. Семейные отношения (привязанность или соперничество), личная дружба и личная вражда были в числе обычных факторов, влиявших на правительственные и прочие официальные дела. Поэтому социологические исследования придворного общества с определенной стороны проливают свет на раннюю стадию развития европейских государств.